

Е В Г Е Н И Я

кретова

дом с панорамными
окнами

ЛитРес: Самиздат

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА

Евгения Кротова

**Дом с панорамными
окнами. Сборник**

«Евгения Кротова»

2017

Кретьова Е.

Дом с панорамными окнами. Сборник / Е. Кретьова — «Евгения Кретьова», 2017

Победитель литературной премии "Электронная буква", номинация Малая проза. Сборник мистических рассказов о детях, обладающих паранормальными способностями. Их мир отличается от нашего, потому что они видят его иначе. Через боль усопших, через неприятие собственных возможностей и отчаянные попытки "быть как все". Но Судьба, одарившая их, строга. Она шлет им испытания чужой болью, которую они воспринимают как свою. Она проверяет их намерения каждый раз, когда они используют дар для баловства. Она безмолвно следит за ними, когда они заглядывают через мутную гладь зеркал в мир запретный, в мир неживой и потому опасный.

Содержание

Дом с панорамными окнами	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дом с панорамными окнами

В целом и в частности день сегодня удался. Лерка с облегчением стянула резинки для волос, которыми были закреплены косички, не расплетая их, перехватила на затылке в один тугий пучок. Нацепила шапочку для душа, тонкую оранжевую клеенку с бешеными бабочками на макушке, включила воду и с удовольствием нырнула под теплые струи.

Какое наслаждение! Девушка зажмурилась, внимательно прислушиваясь к веселому и дружному журчанию и к своим нахлынувшим мыслям.

Они с мамой переехали в этот район из центра города. Конечно, там остались друзья, отличная, лучшая в городе, школа. Но все портил квартирный вопрос: квартира была маленькая, ни тебе полку прибить как тебе хочется, ни диван поставить. И они мечтали о большой и просторной квартире. Долго мечтали. Сколько Лерка себя помнит.

И вот сбылось! Случилось! Свершилось даже!

Новый дом сразу очаровал их головокружительным запахом свежей штукатурки, краски, чистоты и устроенности.

Шикарный жилой комплекс, со своим подземным гаражом, многочисленными магазинами, SPA, тренажерными залами, прачечными.

Прекрасный вид на город из панорамных окон в человеческий рост.

Оборудование в доме и в квартирах по последнему слову техники – сплошные датчики и тепловизоры. Иногда кажется, что жилец еще не успел сформулировать свое желание, только слегка представил его себе, а оно уже исполнено.

Мечта, короче.

Лерка улыбнулась: она вспомнила, как они с мамой верещали, когда получили ключи от своей «двушки», как она сама прыгала словно сумасшедшая белка, а мама, еле дыша, бродила по комнатам, кончиком пальца дотрагиваясь то до лакированного столика, то до зеркальной поверхности кухонного гарнитура.

Это было позавчера.

Вчера она распаковывала вещи и наряжала елку, а сегодня решила сходить в новую школу.

Центр разгрызания гранита науки, в общем, ей тоже понравился. Конечно, не ее бывшая школа, но вполне ничего. Она забрала учебники из библиотеки, заодно зашла к классной, познакомиться, так сказать. А у той весь класс, что-то вроде классного часа. Только с тортом и столовским компотом. Лерку представили одноклассникам, от торта она отказалась, на нее потарасились словно на музейный экспонат, но вроде агрессии никто не проявлял. На том ее знакомство с альма-матер¹ закончилось.

Лерка понимала, что ей будет тяжело: ребята вместе учатся с пятого класса. Все возможные и невозможные комбинации кто-с-кем-против-кого-дружит уже использованы, все разбиты по группкам, не прорвешься. Да и середина года уже.

«Хотя, – Лерка задумалась, – может, это и к лучшему, меньше цепляться будут. Да и вообще, не маленькая уже, как-никак, восьмой класс». Девушка намылила лицо. Мягкая ароматная пена скользила по рукам, плечам, приятно успокаивая.

«Вот сейчас помоюсь, разогрею ужин, включу телик, гирлянду на елке... Мама придет, закатим пирушку».

Вода внезапно стала ледяной.

¹ Альма-матер (от *лат.* Alma mater) – «кормящая мать, кормилица», старинное неформальное название учебных заведений.

Лерка протянула вперед руку, стараясь ощупью найти переключатель, но струи снова потептели.

– Еще борются за звание дома высокой культуры быта, – вздохнула она фразой из известного кинофильма советских лет,² яростно смывая с лица остатки мыла. – Жалобу на них надо написать, коллективную.

И открыла наконец глаза.

Рядом с ней, под струями горячей воды, стояла высокая темноволосая женщина с уставшим лицом, с испуганно-удивленными серыми глазами. Кажется, незнакомка была не готова к тому, что ее заметят.

– Вы кто?! – заорала Лерка, хватаясь одновременно за скользкий кафель, за головку душа и полупрозрачную занавеску с наивными дельфинчиками.

Женщина шумно выдохнула и выпрыгнула из ванной.

– Стой! – снова заорала Лерка. – Я сейчас полицию вызову!

Она в самом деле решила, что нужно звать на помощь: мало ли кто проник в квартиру вместе с этой ненормальной? Куда охрана смотрит?!

Лерка сиганула к двери в ванную, захлопнула ее за незнакомкой, дрожащими пальцами передернув задвижку. И только тут поняла, что оказалась в западне: телефона с собой нет, позвонить и позвать на помощь не сможет, предупредить маму – тоже, защититься здесь нечем, разве что пенкой для умывания. Да и щеколда эта – так, мелкое недоразумение для злоумышленников, а не преграда, дверь легко вынести. Лерка, быстро натягивая махровый халат, прислушалась.

В квартире стояла оглушительная тишина. Ни шороха. Ни скрипа. Ни шепота.

Все внутри похолодело: значит, там, в коридоре, тоже прислушиваются.

Лерка отпрянула в глубь ванной, в то же мгновение заметив, что ручка легонько дернулась... и дверь отворилась.

В нос ударил резкий запах гари.

Нет, не такой, когда убегает молоко из кастрюли или подгорает гороховый суп. Это была едкая, привязчивая вонь смеси обугленного дерева, пластика. Это был запах большого горя.

Лерка, плотнее кутаясь в халат, осторожно ступила босыми ногами на покрытые рыхлым пеплом головешки. Вокруг все: стены, потолок, пол оказались черными от копоти. Проемы прогорели, повиснув на покосившихся петлях обугленными струпами, на них скрипели покоренные картонки дверей.

– Эй! – Ее жалобный голос пропал в топкой тишине, в которой было слышно, как поднимаются в воздух и снова медленно оседают белесые хлопья. – Кто здесь?

Она сделала еще несколько осторожных шагов.

Это был не ее дом. Она еще ничего не могла понять, но могла бы поклясться, что это не ее дом, не ее квартира.

Она стояла посреди жуткого пепелища. Под ногами то и дело хрустели обломки старой черепичной крыши, куски обугленной штукатурки, в углу, на выгоревших дотла досках лежали почерневшие от сажи кастрюли. Удивительно белый среди всей этой черноты плюшевый мишка скорбно смотрел на нее с облупившегося подоконника. Лерка только сейчас увидела, сколько игрушек у нее под ногами: покоробившиеся от жара пластиковые погремушки, куски яркого тряпья, чьи-то глаза-пуговики.

Страшным скелетом поверженного великана торчали дымящиеся еще бревна, фрагменты перекрытий с выгрызенными огнем кусками.

Лерка сделала еще несколько шагов в сторону, чтобы посмотреть, на каком этаже она находится.

² Имеется в виду «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л. Гайдай, 1973 г.

Ну, точно, это не ее дом: они с мамой купили квартиру на пятом этаже, а сгоревшее помещение явно находилось на первом. Вон, и забор видно покосившийся, и... Лерка замерла. Да, их с мамой квартира расположилась на пятом этаже, но вид из их окна до мелочей совпал с тем, что она видела в эту секунду. С той только разницей, что час назад, когда она заходила в подъезд, был декабрьский вечер, а сейчас у нее перед глазами занималась вполне себе летняя заря.

Девушка почувствовала какое-то движение за спиной и резко обернулась: перед ней снова оказалась та самая темноволосая женщина. Только сейчас она была собрана и даже решительна.

– Где я? – прошептала Лерка.

– Мой дом, – донеслось до нее. Женщина находилась рядом, буквально в метре от девушки, говорила четко, но слышно ее было так, словно звонила она по рации с Северного полюса. Словно догадавшись, что не была услышана, незнакомка повторила чуть громче: – Мой дом.

– Не понимаю, – развела руками. – Как «ваш дом»?

Женщина стояла и молча на нее смотрела, словно ожидая следующего вопроса.

– Как я здесь оказалась? – Незнакомка отрицательно покачала головой и тяжело выдохнула. Только сейчас Лерка поняла, что женщина выглядит очень усталой, изможденной. Ее светлое платье, больше похожее на ночную сорочку, было испачкано в саже, худые руки подрагивали. Ей стало жаль ее.

– Я вам могу чем-то помочь? – Женщина медленно кивнула. Ее черты обострились, а взгляд приобрел ясность. Девочка невольно вздрогнула, увидев неистовую ярость, даже ненависть в этом казавшемся таким милым и несчастным лице. Темноволосая протянула вперед руку, показывая куда-то за Леркину спину:

– Найди его! – донеслось до нее. Девушка оглянулась. В нескольких метрах от дымящихся еще развалин она увидела несколько машин. Около одной из них столпились люди, человек пять, что-то живо обсуждая. Иногда их компанию сотрясал истерический хохот. Но незнакомка показывала на одного. Здорового такого, жирного. С тяжелым взглядом и улыбкой бульдога. Это ему все остальные что-то рассказывали, неистово лебезя и доказывая свою верность. А он уставился на белесые развалины и брезгливо кривился. – Найди его...

Лера перевела взгляд на незнакомку.

– Почему? Я не хочу этого, – она понимала, что происходит что-то ужасное. Вернее, нет, «ужасное» произошло, и этот жирный бульдог к нему причастен, и эта несчастная, дрожащая от ненависти и бессилия женщина. Они оба теперь на века связаны. Но при чем здесь она, Лера Ушакова?

Ее уже никто не слышал. И не спрашивал, хочет ли она, сделает ли она то, о чем ее просили. Просили? Или приказывали?

Белый пепел поплыл перед глазами, унося с собой вопросы, оставшиеся без ответа. Исчезла незнакомая женщина, толстый боров из богатой тачки, изувеченный дом, ворох детских игрушек и скорбный белоснежный медведь, остался лишь нестерпимый запах гари.

* * *

– Лера, Лерочка!!!

Плотный пар в ванной. Испуганное лицо мамы.

– Лера, что случилось? Тебе плохо? – Мама перевернула ее на спину, подложила что-то мягкое под голову, укрыла голову прохладным, то и дело растирая онемевшие Леркины руки. – Потерпи, милая, «Скорая» уже едет...

– Мама, зачем «Скорая»? – Лерка попробовала сесть, но мама ее с силой уложила назад. Девочка оглянулась: она лежала в ванной на полу, прозрачная занавеска с дельфинчиками наполовину оборвана, несколько полок снесено вместе со всем их содержимым, вывалившийся из душевой кабины шланг неистово залил все кругом, наверно, сейчас соседи прибегут жаловаться.

Но вместо соседей появились врачи в толстых темно-синих комбинезонах, с большим оранжевым сундуком. Ее переложили на диван в холле, долго мерили давление, слушали сердце, светили в глаза, простукивали, похлопывали. В итоге сделали укол и велели спать.

Сквозь надвигающуюся пелену Лера слышала, как мама звонит на работу, и предупреждает, что ее завтра не будет, что дочь заболела, и снова та темноволосая, в длинной ночной сорочке и с печально-требовательным взглядом где-то там, в глубине сонного марева.

Лера проснулась внезапно; вынырнула из забытья, словно из глубокого бассейна. Мама задремала рядом, но тут же подскочила к дочери:

– Ты как?

– Нормально я, мам, правда, – и Лерка, повинувшись мягкому и повелительному жесту, снова легла на подушку. Она осторожно взглянула на часы: половина двенадцатого.

– Что случилось-то? Ты упала?

Лерка отрицательно покачала головой, мучительно соображая, что сказать матери. И та поняла:

– Что – ОПЯТЬ? – прохрипела она, медленно оседая в кресло. Ее и без того встревоженное лицо стало серым, а глаза наполнились слезами. Лерка кивнула. – Как это произошло?

– Не так, как обычно, мам. Вообще все иначе. Я была в душе, и тут смотрю – рядом со мной женщина незнакомая, темноволосая такая, и глаза у нее то ли печальные, то ли испуганные. Я из ванны выхожу и оказываюсь не в нашей квартире, а где-то в другом месте, и вокруг – пепелище. И эта, темноволосая, мне говорит...

– Говорит? – у мамы глаза округлились.

– Да, только ее так плохо слышно было, будто она не рядом со мной стоит, а в сотне метров.

Мама кивнула:

– И что она тебе сказала?

У Лерки холодок пробежал по спине, когда она вспомнила лицо той темноволосой женщины. «Найди его!»

Кто этот дядька, интересно? И вообще, что произошло?

Мама, похлопав ее по плечу, не стала настаивать и задумчиво отправилась на кухню. До Лерки доносился аромат горячих бутербродов, цейлонского чая, ванили. Эти запахи так успокаивали, защищали от дурных мыслей, что девочке стало казаться, что все произошедшее – сон. В самом деле, может, она поскользнулась, выходя из душа, упала, ударилась и ей привиделся весь этот бред!

Она облегченно вздохнула и села, прогоняя образ странной темноволосой женщины прочь. Сунула ноги в дурацкие тапки в виде слоников, резко встала и... оказалась на кладбище...

Господи! Да как же это!!!

Лерка огляделась по сторонам: аккуратные ряды крестов, украшенные неестественно яркими цветами темные оградки,obelisks, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими березками или пушистыми елями. Вид торжественный и печальный.

Рядом с ней, всего в полуметре, поскрипывала приоткрытая калитка. Четыре гранитных памятника, потускневшие венки, погасшие лампадки, слегка присыпанные снегом. Лерка пригляделась.

С портрета на нее смотрела улыбающаяся молодая женщина: темные длинные волосы разметались на ветру, светлые глаза чуть прищурились от солнца. У Леры все похолодело внутри. Это та самая женщина, что привиделась ей несколько часов назад... Это ее могила.

Девочка посмотрела на могилы рядом: светловолосая девочка лет семи, пацан с немного угрюмой улыбкой, на вид лет тринадцати-четырнадцати, и малышка совсем, годика полтора, в смешном кружевном чепчике. Лера шагнула ближе, приглядевшись к табличкам: Селиверстова Татьяна Ивановна. И Селиверстовы же Артем, Маргарита и Алена, они все умерли в один день – 17 мая 2014 года, более двух лет назад.

Лера поняла, что не может дышать. Женщина на фотографии словно ожила, она чуть повернула к девочке голову, одними губами прошептала «Найди его».

– МАМА!!!! – заорала Лера что было сил и поняла, что снова находится в комнате. Вот мягкий и удобный диван, вот ковер, и наряженная к Новому году ароматная елочка. До нее снова доносился аромат цейлонского чая и ванили, только больше он не вызывал чувство защищенности.

Лера поняла, ЧТО с ней происходит все эти годы.

* * *

Впервые нечто непонятное и необъяснимое с ней произошло, когда ей было пять лет. Она читала книгу в своей комнате и увидела, как мимо нее прошла другая девочка. Смешная такая, с тощими косичками и бантами из коричневой капроновой ленты, в цветастом ситцевом халатике. Просто спокойно прошла, не обращая на Лерку ни малейшего внимания. Мама не придавала этой истории значения: да и кто мог находиться в комнате ребенка еще, если, мама точно знала, больше никого дома не было. Да и сама Лерка была так мала, что толком ничего объяснить не могла, а спустя пару дней после произошедшего уже и сама сомневалась, не пришло ли ей это.

Потом, ей уже тогда было лет десять, она стала слышать странные голоса, шепот и шумы по ночам, особенно в грозу. Лерка тогда не на шутку перепугалась. Ходили с мамой к врачу: толстому дядьке в тонких круглых очках и смешными усами, как у почтальона в мультике, – тот прописал ей кучу таблеток, сказав, что у нее стресс, переутомление, дал направление в санаторий.

После лечения голоса стали тише, но не исчезли вовсе.

Лерке жутко не хотелось пугать маму, пить опять эти противные таблетки, от которых мутно в голове и чувствуешь себя растением. Поэтому она сказала, что ей стало лучше, и больше не заговаривала на тему голосов, шумов, странных образов, приходивших к ней в полутьме.

Но пару месяцев назад, еще на старой квартире, они с мамой смотрели какой-то непонятный фильм: тягучая музыка, запутанный сюжет, невесть откуда взявшаяся героиня, которая оказалась не героиней, а ее двойником-клоном, – Лерка откровенно скучала.

Она заметила, как около нее возникла небольшая воронка, словно крохотный смерч. И из него вышла будто освещенная лунным сиянием женщина в длинном кружевном платье, и медленно направилась к стене. Лерка провожала ее взглядом, и, видимо, так вылупилась, что это не осталось незамеченным.

– Лер, ты чего там увидела? – прошептала мама рядом, вглядываясь в пустоту темного угла.

Лерка от неожиданности подпрыгнула и завопила:

– Я? Нет! Ничего!

И в этот момент полупрозрачная незнакомка резко остановилась и обернулась. Удивленно, словно сама только заметила сидящих людей, она внимательно разглядывала девочку. Та шарахнулась к окну, по пути сбив журнальный столик.

– Лера! Что случилось?! – кричала мама, а незнакомка, не отрываясь, следила за девочкой, потом в ее полупрозрачных глазах мелькнули то ли радость, то ли злорадство, то ли какая-то идея, она качнулась и растаяла в дымке.

С тех пор начался кошмар.

Лера старалась не оставаться одна, спала со включенным светом, до бесчувствия смотрела фильмы и сидела в соцсетях, лишь бы отключиться и не слышать ничего: с того вечера ее не покидало ощущение, что до нее кто-то пытается достучаться, дотронуться.

Знаете, бывает твой телефон «вне зоны доступа», но ты все равно знаешь, что тебе звонят, и беспокоишься.

И вот сейчас «дозвонились»...

По спине сползал змеим холодок. Лерка только сейчас, увидев фотографию темноволосой женщины, Татьяны Селиверстовой, отчетливо поняла, КТО была она, и та женщина в кружевах, и девочка в ситцевом халатике. Все они были ДУХИ, призраки... Она, Лерка, видела и слышала давно умерших людей.

И вот теперь одна из них хочет ее руками что-то сделать. Кого-то найти.

И, видимо, не отпустит, пока Лерка этого не сделает.

– Татьяна, ты здесь? – прошептала Лерка в темноту, изнемогая от любопытства и страха. Под ребрами что-то томительно ухало, обрываясь. Что это? Сердце? Действительно, похоже, что падает в пятки.

Затылком девочка почувствовала знакомый холодок. Она оглянулась: рядом с ней стояла Татьяна, все такая же сосредоточенная, напряженная и испуганная.

– Это была твоя могила?

Медленный кивок.

– Кто эти дети? Артем, Маргарита и Алена?

Стон, похожий на крик. Лицо Татьяны подернулось пленкой, мерцание поблекло.

– Это твои дети? – продолжила допрос Лерка. Она сама не знала, откуда у нее взялась сила. Сердце бешено колотилось, руки похолодели и покрылись испариной, колени дрожали. Но она знала, что должна знать больше. И еще, что у нее есть право спрашивать, а эта несчастная женщина обязана отвечать. И Татьяна едва заметно кивнула.

– Ты хочешь, чтобы я нашла того толстого дядьку?

Женщина с силой стиснула зубы, подняла на Леру глаза, полные слез и ненависти, и снова кивнула.

– Где я его могу найти? – Лера спросила и поняла сама, что ответа на этот вопрос не получит – если бы Татьяна знала, она бы и сама его нашла. Поэтому задала другой вопрос, который ее беспокоил даже больше. – Что будет со мной потом? Я не хочу попасть в психушку, выполняя ваши поручения. Ты же не одна там такая, которой кто-то зачем-то нужен здесь?

Темноволосая женщина покачала головой и задумалась.

– Я не пушу, – прошептала она наконец.

– То есть я помогаю тебе, а ты меня охраняешь от других просьб?

Татьяна кивнула. Это Лерку вполне устраивало. Она кивнула в ответ и улыбнулась:

– Я тебе помогу. Найду тебе этого толстого борова.

Татьяна прищурилась. Она подняла руки и протянула Лерке белого плюшевого медвежонка, того самого, с пожара, девушка его хорошо запомнила.

– Это ему. Когда найдешь.

И растаяла.

Лерка устало опустилась на диван. Ее било мелкой дрожью, подташнивало, суставы пальцев рук нещадно ломило, холодный пот струился по побледневшему лицу. В этот момент в комнату заглянула мама.

– Лерочка! Да ты вся горишь!!! – запричитала она, укладывая дочь в постель, теплее укутывая пушистым пледом ноги. – Вот и сразу стало ясно, откуда это бред... Ты просто больна, моя милая! У тебя жар. Вот и все...

Лерка не стала спорить. Сил не было. В конце концов, если это все сейчас закончится, то пусть она так и думает, ее это успокоит. Меньше всего Лерке хотелось причинять боль маме.

И она не сопротивлялась. Позволила себя уложить, напоить теплым чаем с медом и лимоном, выпила даже какую-то микстуру. Мама, увлеченная заботой о ребенке, даже не заметила белого пушистого медвежонка, жалобно притулившегося в углу дивана.

* * *

Утром Лера чувствовала себя гораздо лучше. Все-таки мысль, что не будет больше этого противного холодка по спине, этих шепотов и стонов, придавала ей сил и уверенности.

Пока мама, думая, что дочь крепко спит, убежала в аптеку, девочка включила ноутбук и забила поисковый запрос: «Татьяна Селиверстова». Гугл ответил молчанием, выдав ей кучу ненужных страничек из соцсетей.

Тогда Лерка уточнилась, забив свой нынешний адрес с пометкой «происшествия».

Оказывается, домик-то у них беспокойный. За последний год средства массовой информации писали о трех драках с поножовщиной, одном самоубийстве в соседнем подъезде, и, батюшки мои, аж семи кражах! Прямо «нехороший» дом у них. И это все на глазах круглосуточной охраны, датчиков и тепловизоров!

Но информации о Татьяне Селиверстовой не было.

В памяти всплыла, словно подсказка, золотая табличка с черного обелиска. Лера забила в поисковик дату «17 мая 2014 года». И почти сразу увидела страшное сообщение.

«Жуткая трагедия произошла прошедшей ночью по адресу... (Лерка поняла, что адрес ее нынешнего дома отличается буквой «а» от адреса, по которому жила Татьяна): в пожаре, возникшем в частном доме, погибла молодая женщина с тремя несовершеннолетними детьми. По предварительным данным, произошел взрыв бытового газа. Отец семейства в настоящее время находится в больнице, его увезли накануне с приступом острого аппендицита, и по счастливой случайности его не оказалось дома в момент трагедии (Лерку передернуло при словах «счастливая случайность», явно идиот какой-то писал). Журналистов к нему не пускают.

Как сообщили нам в следственных органах, семья не состояла на учете в качестве неблагополучной, погибшая Татьяна С. работала в аптеке, ее супруг и отец троих погибших мальчиков работает водителем автоколонны 2278 нашего города.

По факту гибели четырех человек возбуждено уголовное дело».

И фотографии того самого дома, в котором она оказалась вчера.

Ошибки быть не может. Это она.

Лера до тошноты ощутила удушье, запах гари и жуткого, ничем не поправимого горя, перед глазами вновь поплыли покореженные карнизы и фрагменты черепицы.

Она взглянула на белого медвежонка.

Там, на пожарище, он был совсем чистый. Может, его принесли позже? Она взяла его в руки.

Пальцы утонули в мягком мехе, а по рукам потянулся холодок. Лера закрыла глаза.

Теплый вечер окутал ее. Она оказалась в комнате с низким потолком, старенькими, местами отошедшими от стены, изрисованными детскими наивными каракулями, обоями. У

стены – продавленный диван, на нем сидит, насупившись и уставившись в учебник, мальчик лет четырнадцати. У Леры часто забилось сердце. Артем Селиверстов.

Рядом с ним, на вязаном из лоскутков круглом, аляпистом ковре, устроилась с куклой его сестра Маргарита. Она сосредоточенно застегивала на платье любимицы пуговку, сопя и нервно шмыгая носом. Артем на нее не обращал внимания, иногда тревожно прислушиваясь к происходящему в коридоре. Лерка подошла к стеклу и тоже прислушалась.

Женский голос, тревожный и сдавленный. И мужской, шипяще-угрожающий.

– Я вас предупредил, Татьяна. Вы испытываете терпение и мое, и моего шефа.

– Я ничего не хочу знать ни про вас, ни про вашего шефа! Мы вам сказали уже раз сто, наверное, – дом не продается. Оставьте уже нас в покое, в самом деле!

– Я оставлю... оставлю. Только зря вы так, Танюша!

– Да какая я вам «Танюша»! Я вас чуть ли не вдвое старше!!! – вспыхнула женщина. Лера услышала шум, возню там, за стеклом. Артем тоже напрягся и привстал.

– Слушай, ты, старая карга, – Лера едва различала слова в этом зловещем шепоте, больше похожем на шипение, – мне по барабану, что ты там о себе думаешь. Я тебе сказал – срок вышел! С вами хотели как с нормальными людьми договориться, деньги предлагали, а вы... Короче, лохудра, я тебе так скажу: и для тебя, и для твоих выродков лучше будет, если уже сегодня ночью вас здесь не окажется, поняла? – Какой-то стук, что-то с грохотом разбилось в коридоре, Артем подскочил и бросился к двери. Но выйти не успел, в комнату проскользнула испуганная Татьяна, с заплаканным лицом, по которому черными ручейками растекалась косметика. Она сжала сына в объятиях так, что у того, наверно, половина костей сломалась.

– Мам, ты чего? – бормотал мальчик. – Чего он хотел, этот дядька...

– Ничего, ничего, – в исступлении шептала женщина, отстраняясь от сына и невидящим взглядом обшаривая комнату. Ее обезумевший взгляд остановился на игравшей на полу дочери. – Маргоша, ты почему не спишь!

И снова начала отрывисто бормотать, перехватывая тонкими руками горло:

– Ничего, ничего... Ничего они не сделают, это наш дом... Паша договорился... Они не посмеют.

– Мам, это кто был? – Артем насупился и уставился на мать. Та под его взглядом вроде немного пришла в себя, перестала лихорадочно суетиться и постаралась улыбнуться:

– Да никто, Темушка, так, человек один. Ты его не знаешь.

– А чего ты тогда так всполошилась? – Он пригляделся к матери и дотронулся до ее скулы. – Он что, ударил тебя?!

Татьяна потеряла щеку, словно стирая неприятные воспоминания, и снова заметалась по комнате, бросаясь то к одному ребенку, то к другому, словно прячась за заботой о них от чего-то страшного.

Лера посмотрела на белоснежного медвежонка, повисшего в ее похолодевших руках.

Татьяне угрожали. Кто-то, кого она сильно боится, кто оказался способен ударить женщину, приходил накануне пожара. Он, и это Лера слышала собственными ушами, сказал, что Татьяне и ее семье уже этой ночью не надо находиться в этом доме, их доме. Дальше уже можно было догадаться: семья улеглась спать, а ночью дом подожгли. Не оставив шанса спастись.

Она взглянула на печального плюшевого мишку и заплакала от бессилия.

Глядя на встревоженную Татьяну, она поняла, что и сама теперь не сможет спокойно спать, пока не найдет того толстого борова из черной машины. Теперь это и ее дело.

* * *

Она перечитала сообщение о пожаре в доме Селиверстовых еще раз. Попробовала найти хоть какие-то результаты расследования. Ведь уголовное дело-то возбудили! Но нет, никаких следов, единственная коротенькая заметка – и тишина.

Лера подумала о Павле, муже Татьяны. Во всяком случае, девушка помнила, что Татьяна упоминала какого-то Пашу, вероятно, это и есть муж. В заметке сказано, что год назад он работал водителем в автоколонне. Может, он еще там же работает. Может, ей удастся с ним переговорить... Хотя Лерка не понимала, как можно объяснить ему свой интерес. Как вызвать на разговор?

На всякий случай она решила поехать и узнать, там ли он.

В отделе кадров она представилась его племянницей из соседнего городка, сказала, что он давно не отвечает на звонки, и на письма, и что семья волнуется. Женщина на нее только странно посмотрела и покачала головой:

– Родственники... А где вы были, родственники, все это время, пока мужик погибал? А? Чего глаза вылупила? Помер твой дядька, уже месяца три скоро будет, как помер... Вот оттого и не пишет и не звонит. А вы, родственники, только спохватились...

Женщина еще долго что-то кричала ей вслед, но она уже не слушала. Пунцовая, Лерка выскочила из кабинета и стремглав бросилась к проходной.

«Идиотка! – пульсировало в мозгу. – Как я сразу об этом не подумала! Чего сюда сунулась?! А?»

Словно спасаясь от погони, девочка пробежала мимо автобусной остановки и помчалась в сторону центра, не разбирая дороги, сталкиваясь с пешеходами, поскользываясь на тонком льду мостовой.

«Идиотка»!

Уже около парка она остановилась и перевела дыхание. Итак, выяснить подробности не у кого. Надо искать самой. Интернет нам в помощь... И журналист, который писал заметку!

Лерка потопала в редакцию.

Сейчас у всех порядочных СМИ несколько ресурсов: и газета, и веб-сайт, и странички в соцсетях. Она нашла статью на их сайте. Автор, кажется, Василий Строев. Ну, что ж... Найдем тебя, Василий!

Лера вошла в полумрак здания редакции. Ее оглушил запах сырости, смешанный с запахами свежей типографской краски и борща из столовой.

В узкий, обшарпанный коридор выходило штук десять дверей с потертыми и выцветшими табличками без имен и фамилий. Только «Редакторы», «Рекламный отдел», «Технический отдел», «Бухгалтерия», «Заместитель главного редактора», «Главный редактор». Лера толкнула дверь редакторского отдела.

В глаза бросился организованный и даже какой-то уютный хаос, поверх которого старательно были разбросаны куски разноцветной, весьма потрепанной мишуры, мятые ленты «дождика», приклеенные скотчем к обоям разноцветные елочные игрушки. Из-за высокой стопки распечаток на нее выглянуло скуластое лицо и басовито поинтересовалось:

– Девушка, вам кого? Обед же...

Лера взглянула на темноволосого парня, с нескрываемым любопытством ее разглядывавшего, потом на часы. Действительно, час двадцать.

– Ой, извините, – смутилась она, и, кажется, покраснела под внимательным и чуть удивленным взором. – Я просто хотела одного человека найти, Василия Строева... Но я, наверно, зайду после двух.

Стопка распечаток качнулась, едва не разлетевшись по кабинету. Темноволосый прихлопнул ее сверху.

– А зачем вам Василий?

Лера остановилась.

– Хотела кое-что узнать у него об одном старом материале... Так, ничего особенного. Вы не знаете, он после обеда будет?

Парень еще раз придавил стопку распечаток, на этот раз здоровенным степлером, и криво улыбнулся:

– Да, он, собственно, и не уходил еще.

– Так это вы – Василий Строев? – Лера выпрямилась. Она надеялась увидеть серьезного журналиста, представительного, в очках с тонкой золотистой оправой, толстом свитере с широкими (неприменно широкими) рукавами, а перед ней высился неуклюжий парень лет двадцати, растрепанный, в заляпанной клеєм футболке, в выдавших виды джинсах.

– Ну, был когда-то, – он неопределенно махнул рукой.

– То есть?

– Знаете ли, мы часто используем псевдонимы. И газете хорошо – типа она серьезная и большая, со здоровенным штатом спецкоров, и тебе тоже неплохо – всегда можно схватиться и сказать, что это не ты написал всякую муть... Клиент побегает-побегает, а доказать ничего не сможет... Но именем «Василий Строев» я и воспользовался-то всего пару раз, и с тех пор уже больше года как про него забыл. Так что даже странно, что им интересуется такая юная леди...

Парень улыбнулся.

– Да, тот старый материал, про который хотела вас спросить, примерно тогда и был опубликован, – девушка замолчала. «Василий» ее тем временем продолжал разглядывать, ухмыляясь и даже не собираясь поддерживать тему разговора. Лера окончательно растерялась. Парень ей явно не внушал доверия: он, небось, и не вспомнит, что это была за статья. И не отслеживал результат расследования потому, что разгильдяй.

– Ну, и? – не выдержал он, наконец.

«А, к черту, все равно, больше никаких ниточек!»

– Около года назад, в мае, по улице Хрусталева, сгорел дом. Пострадала женщина и трое ее детей. Все погибли. Вы писали заметку.

Парень перестал улыбаться. Лицо сразу стало яснее, умнее даже, глаза заискрились настороженным интересом. По тому, как изменилось его лицо, Лера поняла – он помнит.

– Знаете, я же еще не обедал, – неожиданно предложил он, – есть очень хочется, и от этого не думается вовсе. Пойдемте!

Он порывисто сорвал с вешалки куртку, и, не спрашивая, согласна ли Лера обедать с ним, подцепил ее под локоть и буквально выволок из кабинета. Протащив ее по коридору в сторону выхода, он буквально в метре от него затолкал ее в узкую дверь, которую она, входя, даже не заметила. За ней оказалось махонькое пыльное, давно не обитаемое помещение, со столом и вытертым стулом 80-х годов прошлого века.

– Вы что?! – только теперь Лерка струхнула не на шутку.

– Че те надо? – «Василий» припер ее к стене, больно надавив локтем горло. – Ты че вынюхиваешь, а? Тебя Камрад подслал?

– Что? – Лерка вообще потерялась. Этот парень, «Василий», вроде только что был нормальным, интеллигентным даже, а сейчас буквально позеленел весь, и глаза черные такие стали, мутные. Словно и не человеческие. – Стойте, отпустите меня, – хрипела Лерка, – никто меня не подсылал!

– Значит, так, – зашипел «Василий» более спокойно, но от этого еще более страшно, – скажешь Камраду, чтобы больше ко мне не совались. Я все ему отдал, поняла, ВСЕ! Никаких материалов, фотографий, копий, у меня больше нет... НЕЕЕЕЕТ!

Его глаза снова стали мутными, он схватил Лерку за шиворот и так тряхнул, что у нее едва позвоночник не рассыпался. «Василий» распахнул дверь коморки и с силой вышвырнул девушку в коридор.

Лерка пролетела тот несчастный метр до выхода, но не стала дожидаться, что будет дальше – она с визгом рванула с лестницы мимо ошалевших блондинок на высоченных каблуках.

Лишь пробежав до автобусной остановки и не чувствуя погони, она оглянулась. Полоумный «Василий» за ней не бежал.

– Ну, что за день-то сегодня такой, – шмыгая носом, Лерка торопливо топала по пустынной улице, вдоль бесконечного сине-зеленого забора. Садиться в автобус под любопытные взгляды пассажиров ей не хотелось, да и стоять в ожидании своего рейса тоже – не особо, еще этот ненормальный передумает и решит переломать ей парочку костей.

Уже дойдя до перекрестка, вывернув на более людную улицу, она успокоилась. Она купила ароматную булочку в пекарне и села на скамейке: ей не давало покоя слово «камрад». Где-то она его уже слышала. Причем совсем недавно. Вот на днях буквально.

Лерка набрала в телефоне «камрад»... Всезнающий поисковик сообщил, что это «товарищ, друг», от испанского «camarade». Но «Василий» явно не это имел в виду. Более того, Лерка готова была поклясться, что парень этого «товарища» жутко боялся...

Подошел Леркин автобус, она забралась в жарко натопленное нутро, устроилась на свободном сиденье, а из головы все не выходил этот «товарищ». Что-то не отпускало ее. Какая-то догадка. Слово действительно было ей знакомо.

Она добралась до дома, сбросила куртку...

Вот! Она не слышала это слово! Она его ВИДЕЛА!

Лерка бросилась к серванту с документами. Три дня назад она распаковывала коробку с бумагами: мамины папки, счета за старую квартиру, альбомы с фотографиями... И тонкая красная папка. Мама много раз говорила, что в ней очень важные документы, и Лерка, конечно, засунула любопытный нос внутрь. Вот где она видела этого «товарища»!

Она перелистывала уложенные в тонкие хрустящие файлы документы. Свидетельство о праве собственности на квартиру. «Нет, не то», – Лерка лихорадочно просматривала одинаковые страницы.

Кредитный договор... Банк такой-то, это ясно... Ушакова Светлана Павловна. Это мама...

Вот он! «Договор купли-продажи № 1634. Общество с ограниченной ответственностью «КАМРАД» в лице генерального директора Молина Хорхе Эдуардовича и Ушакова Светлана Павловна...»

Руки Лерки похолодели. Она теперь поняла все.

«Камрад» – это фирма-застройщик. Они с мамой купили у них квартиру в доме, построенном на месте сгоревшего дома Татьяны Селиверстовой. Камрад – это прозвище человека, которого так боится «Василий», которому он «отдал все, все материалы и фотографии».

Девушка включила ноутбук. Голубой экран быстро откликнулся, выйдя из режима сна.

Она набрала фразу, которая должна была ответить на последний оставшийся вопрос.

«ООО «Камрад», генеральный директор».

Мгновенно загрузился официальный сайт фирмы. Текущие стройки, завершенные объекты, фотографии, награды и сертификаты.

Лера выбрала вкладку «О компании».

С большой фотографии на нее уставилось лицо довольно полного человека, почти лысого, с тяжелым взглядом и улыбкой бульдога.

Подпись гласила, что это Молина Хорхе Эдуардович, генеральный директор ООО «Камрад», тот человек, что криво ухмылялся, глядя на дымящиеся развалины дома Татьяны Селиверстовой. Тот, кого ей нужно было найти.

Лера взглянула на адрес фирмы... Хрусталева, 27, 1-й подъезд.

Это их дом. Они держат офис в этом же доме.

Лерка выдохнула.

Она взяла белого медвежонка и вышла из квартиры.

Еще через пятнадцать минут она уже стояла в офисе ООО «Камрад» перед шикарной секретаршей. Там уже отмечали Новый год. Через огромные матово-черные двери конференц-зала прорывались ароматы застолья: некая смесь салатов, майонеза, копченого мяса, рыбы и шампанского.

– Шефа нет, – ухмыльнулась секретарша, глядя на Леркиного белоснежного медвежонка, – но я все передам, не волнуйтесь, девушка.

А Лерка больше и не волновалась.

Она шла через пустынный двор дома с панорамными окнами, шикарного, в котором многие лишь мечтают иметь крохотный кусочек комфорта, а в ушах шептала музыка:

If I smile and don't believe
Soon I know I'll wake from this dream
Don't try to fix me,
I'm not broken
Hello, I'm the lie living for you so you can hide
Don't cry.³

Если улыбнусь и не поверю,
То скоро пойму, что очнулась от сна.
Не надо меня утешать, я не сломлена.
Я – та ложь, за которую так удобно вам прятаться,
И не плачь.

Говорят, никакие деньги не стоят жизни.

Врут.

Говорят, деньги не пахнут.

Врут.

Деньги пахнут. Еще как. Воняют кровью и потом. Вернее, не так: легкие деньги – кровью, а тяжелые, трудовые – потом.

За каждой бумажкой – чья-то судьба. За каждой монетой – свобода. И никто по-настоящему не свободен.

Каждый свободен только в выборе своей зависимости,⁴ так, кажется?

И в этом плане Лерка теперь совершенно свободна.

– Лер, ты чего? Ты куда ходила, больная же!.. – Мама вернулась с работы пораньше, в недоумении складывая в папку разбросанные по столу файлы с документами. Нарядная елка разноцветно подмигивала в углу.

– Мам, мы можем вернуться в нашу старую квартиру? Прямо сейчас? А?

³ Фрагмент песни «Hello», гр. «Evanescence».

⁴ «В основном свободу человек проявляет только в выборе своей зависимости», Герман Гессе (1877–1962), немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии (1946 г.).

* * *

Уже подходя к кладбищу, Лерка заглянула в павильон, где торговали цветами. Она хотела купить настоящие живые цветы. И маленькую игрушку.

На входе в павильон стоял стеллаж со свежей прессой.

В глаза сразу бросилась огромная, на всю первую страницу, фотография крупного мужчины, лысоватого, с тяжелым самоуверенным взглядом. Сердце оборвалось: на нее смотрел Молина Хорхе Эдуардович.

Лерка схватила газету, с первых слов заголовка поняв, о чем статья.

«Трагическая смерть руководителя крупной строительной компании. Пожар после корпоратива».

Девушка оплатила покупку и медленно пошла в сторону калитки, на ходу просматривая статью.

«... По информации следственных органов, причина пожара пока не установлена. Известно, что дом, в котором расположился офис ООО «Камрад», сдан застройщиком в начале этого года. Претензий и замечаний в процессе госприемки не выявлено.

Пожар разгорелся между двумя и тремя часами ночи в кабинете генерального директора. Возможно, причиной возгорания стала непотушенная сигарета».

Лера точно знала, куда идти, словно бывала здесь много раз. Аккуратные ряды крестов. Украшенные неестественно яркими цветами темные оградки, обелиски, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими березками или пушистыми елями. Вид торжественный и печальный

Вот она, темная оградка. Только за ней пять каменных плит: молодая, улыбающаяся женщина, мальчик-подросток, смешливая девочка, крошка в кружевном чепчике, погибшие одной смертью в одну ночь, и рядом с ними худощавый мужчина, не выживший без них.

Татьяна, Артем, Маргарита, Алена и Павел.

Сломанная в клочья судьба.

Лера стряхнула иней с побелевших табличек, присела на скамейку рядом с могилой Татьяны, положила на гранитную плиту газету и цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.